

АРКАДИЙ СОКОЛОВ

Стратегическая антиномия книжной культуры

В России культура приобрела статус национального приоритета, залога динамичного социально-экономического развития, гаранта сохранения многонационального культурного пространства и территориальной целостности. Об этом свидетельствует Национальный проект «Культура», инициированный указом Президента РФ от 7 мая 2018 «О стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и дополненный указом от 21 июля 2020 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

Аркадий Васильевич Соколов, профессор, Санкт-Петербург

Пробел в национальном проекте «Культура»

СТРУКТУРУ национального проекта образуют три федеральных проекта, а именно: 1) проект «Культурная среда», предусматривающий масштабное строительство культурно-образовательных, выставочных и музейных комплексов, концертных залов, театров, кинозалов, клубов и муниципальных библиотек, модернизацию театров юного зрителя и кукольных театров, а также детских школ искусств и училищ; 2) проект «Творческие люди», обеспечивающий преемственность духовного культурного наследия и подготовку кадров для отрасли культуры; 3) проект «Цифровая культура», нацеленный на широкое внедрение цифровых технологий в культурное пространство страны.

Легко заметить, что в федеральных проектах фигурируют различные интерпретации культуры. Федеральный проект «Культурная среда» исходит из понимания культуры как совокупности материальных творений человека (артефактов), то есть как *материальной культуры*. Культурная сущность творческих людей (федеральный проект «Творческие люди») обусловлена их принадлежностью к *духовной культуре*. Наконец, *цифровая культура* (третий федеральный проект) — это одна из коммуникационных субкультур, возникших в сфере индустриальной цивилизации. Таким образом, в национальном проекте «Культура» фигурируют федеральные проекты развития материальной культуры, духовной культуры, цифровой культуры, но (внимание!) отсутствует федеральный проект, адресованный российской *книж-*

ной культуре и исторически сложившейся *библиосфере*. Подобный пробел, естественно, нуждается в осмыслении со стороны библиотечного сообщества, которое всегда выполняло ключевую роль в российской национальной культуре. Возможно, объяснением является тот факт, что, реализуя президентские директивы, Министерство культуры России, со своей стороны впервые в истории отечественной библиосферы разработало отраслевую Стратегию развития библиотечного дела в Российской Федерации на период до 2030 года, которую Правительство России утвердило 13 марта 2021 г. Напомним, что «стратегия» — термин военной науки (дословно «искусство полководца») понимается как долгосрочная программа разумно организованных действий, обеспечивающая эффективное использование наличных ресурсов для достижения желаемых целей. Главными компонентами являются: во-первых, цели, во-вторых, ресурсы, которые определяют антиномию культурной стратегии.

Антиномия книжной культурной стратегии

Современная культурная политика в нашей стране исходит из принципа, что в условиях революционных технологических сдвигов, мультимедийной глобализации и беспрецедентного роста информационных ресурсов необходимо приоритетно реализовать конституционные права граждан на творческую самореализацию и свободный доступ к информации, приобщение к ценностям российской и мировой культуры, практическим и фундаментальным знаниям. Прекрасный гуманистический замысел!

Однако оказалось, что декларированный замысел можно реализовывать двояко, ибо в культурной политике конкурируют два стратегических направления развития библиотечного дела в России — технократическая стратегия и культурно-историческая стратегия.

Технократическая стратегия исповедуется могильщиками книжной культуры, убежденными в том, что мультимедийная глобальная цифровая коммуникация станет достойной заменой старомодных национальных, федеральных, региональных книгохранилищ. Они эмоционально призывают библиотечную интеллигенцию перестать цепляться за привычные полиграфические стереотипы, преодолеть собственную косность и сменить кустарный педантизм на электронную мощь цифровых технологий. Весомым аргументом в пользу технократической стратегии является её согласованность с Национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации», которая предусматривает построение общества знания на базе цифровых технологий. Технократы-новаторы убеждены, что при условии соответствующей нормативно-правовой базы и достаточного финансирования будут модернизированы все основные направления деятельности современных библиотек (оцифровка фондов, роботизация и виртуализация обслуживания, коммуникация библиотек и т. д.). В технократической стратегии планируется ежегодно выделять 1,5 млрд руб. на проектирование и комплектование фондов нескольких сотен модернизированных, образцово-показательных «моделных муниципальных библиотек» практически во всех регионах Российской Федерации. При этом утверждается, что «библиотека — это в первую очередь печатная книга».

Надо признать, что весьма впечатляющей является программа формирования Единого российского электронного пространства знаний, основой которого станут Национальный библиографический ресурс (НБР) — сводный генеральный каталог всех документов, хранящихся в библиотечных фондах страны, и федеральная государственная информационная система «Национальная электронная библиотека» (НЭБ). На базе НБР планируется создать Национальную книжную платформу

(НКП), которая должна централизованно регистрировать издательскую продукцию, решать информационно-поисковые, рекомендательные, учётно-статистические задачи и обеспечивать бесцельное взаимодействие между издателями и библиотеками в процессах комплектования. Последствия внедрения технократической стратегии цифровизации невозможно предвидеть, можно только сравнивать их с изобретением книгопечатания, а может быть, ядерного оружия.

Культурно-историческая стратегия развития российских библиотек формально не документирована, но она содержится в проекте государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, опубликованном Российским НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт наследия) в январе 2022 года. Данный проект претендует на статус межотраслевого документа стратегического планирования в сфере национальной безопасности. В социальных науках традиция обычно понимается как культурная ценность, сохраняющаяся в исторически стабильных обществах или социальных группах в течение длительного времени. Отсюда следует, что традиционные ценности — это формирующие мировоззрение граждан нравственные ориентиры, передающиеся от поколения к поколению, обеспечивающие гражданское единство, цивилизационную идентичность и единство культурного пространства страны.

В культурно-исторической стратегии перечислены следующие **российские традиционные ценности**: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Никаких обоснований перечня не представлено, хотя соединение в нём разнородных антропологических, социологических, психологических, моральных и этнических качеств личности или социума нуждается в

оправдании. Определение ценностей, которые следует считать объектами государственной культурной политики, — это особая мировоззренческая, научная и стратегическая проблема, где ошибки недопустимы. Поэтому недопустимым пробелом в официальном перечне традиционных российских духовных ценностей является отсутствие в нём «Книги» и «Библиотеки»! Почему? Дело в том, что гарантия сохранения жизнеспособности человечества заключается в сбережении разнообразия национальных культур, оплотом которых традиционно служила библиосфера. Поэтому жизненно важно реализовать не только технократическую стратегию, но и культурно-историческую стратегию.

Итак, имеются **две альтернативные стратегии** развития российских библиотек на период до 2030 г., которые ориентируются на противоположные цели: цифровая трансформация библиотечного дела (библиосферы в целом) или сбережение традиционной русской духовности, воплощенной в книжной культуре. Какой стратегической альтернативе отдать приоритет: цифровой культуре или книжной культуре? С точки зрения логики данный вопрос есть **антиномия** — необходимое противоречие между двумя в равной степени правдоподобными или доказуемыми утверждениями. Гениальный Иммануил Кант (1724–1804) в качестве примера «антиномии чистого разума» приводил конфликт утверждений «мир конечен» и «мир бесконечен». Аналогично: аргументы в пользу технократической стратегии цифровой трансформации российской культуры весьма убедительны и красноречивы, но не менее аргументированы призывы в пользу культурно-исторической стратегии сбережения культурных традиций. В конце XX в. обострилась конкуренция между книжной культурой и экранной культурой, между книжным разумом и информационными технологиями. Классическая антиномия налицо.

Благоразумные скептики вопрошают: являются ли технократические новации и культурно-исторические традиции столь противоположными крайностями, что их невозможно сочетать и реализовывать совместно? Ответить на этот ключевой вопрос, строго говоря, должна книжно-библиотечная наука, но она стратегическими антиномиями в

никогда не занималась. Принцип «научности» почему-то не упомянут среди стратегических принципов развития российского библиотечного дела на период до 2030 года. Логико-философское обоснование управленческих решений в культурной политике не практикуется, а термины «библиотекведение», «библиографоведение», «книговедение» отсутствуют на страницах Стратегии.

В такой ситуации кажется логичным принятое в феврале 2021 г. дискриминационное решение министра науки и высшего образования В. Н. Фалькова исключить из номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются степени кандидатов и докторов наук, специальность 05.25.03 «Библиотекведение, библиографоведение и книговедение». Логика проста: если в Стратегии библиотечного дела не предусмотрено обращение к библиотечно-книговедческим наукам, незачем присваивать научные степени кандидатов и докторов по этим архаичным дисциплинам. Правда, 27 сентября 2021 г. тот же министр, одумавшись, подписал приказ о включении в номенклатуру социальных и гуманитарных наук специальность 5.10.4 «Библиотекведение, библиографоведение и книговедение» (приказ вступил в силу 21 декабря 2021 г.). Надо надеяться, что стратегическая антиномия в российской библиосфере теперь получит разумное разрешение, источником которого может стать Библиологос — главный стратегический ресурс библиосферы.

Библиологос — стратегический ресурс книжной культуры

Развивая духовно-просветительские традиции, российские библиотеки всех типов и видов, всех регионов и отраслей знания активно, часто творчески и всегда бескорыстно работают с читателями, приобщают разные поколения к ценностям книжного мира, бережно реставрируют и пополняют фонды, распространяют культуру чтения. Нельзя удержаться от удивления и восхищения самоотверженным энтузиазмом библиотечных работников, если познакомиться с ежегодными сводными планами основных профессиональных мероприятий, публикуемых Российской библиотечной ассоциацией. Так, в сводном плане 2022 г. предусмотрено 180 социально-культурных мероприятий различных масштабов

и форматов — форумы, фестивали, научно-практические конференции, чтения, семинары, дискуссии, круглые столы, школы обмена опытом и др. Тематика мероприятий чрезвычайно широка и разнообразна. Типичный пример: Псковская областная универсальная научная библиотека им. В. Я. Курбатова проведёт в очно-дистанционном формате Форум модельных библиотек Северо-Запада России «БиблиоMODEL-2022», на который приедут более ста специалистов из различных регионов России. Другой пример: Центральная городская библиотека им. В. Маяковского в Чебоксарах организует семинар-практикум «Мастерская библиотечных проектов», на котором поставлена задача овладеть методикой разработки проектов для грантовых конкурсов. Конечно, не забыты краеведческие традиции, тем более, что 2022 год объявлен Годом культурного наследия России. Наряду с заботой об адекватности книжных памятников, российские библиотекари уделяют большое внимание преобразованию книжного наследия в цифровой формат.

Гуманистическая сущность российского библиотечного дела как института воспитания и развития личности ярко проявляется в педагогической работе с детьми и молодежью (здесь признанные лидеры — Российская государственная детская библиотека и Российская государственная библиотека молодёжи), а также в формировании специальных библиотек для слепых как инклюзивных информационно-культурных центров. Практика свидетельствует, что гуманизм книжности ощущается профессионалами книжного дела на интуитивно-эмпирическом уровне. Книги, как известно, облагораживают, поэтому большинство российских библиотекарей — это стихийные гуманисты, самоотверженно и бескорыстно преодолевающие повседневную суету, объективные и субъективные противоречия российской библиосферы.

Источниками нелепой суеты являются управленческие решения чиновников-культуроведов, нацеленные на организационную оптимизацию библиосферы с целью сокращения бюджетных расходов. Сия «оптимизация» осуществляется в двух вариантах: присоединение мелких учреждений к более крупным и объединение разнопрофильных учреждений

культуры. В обоих случаях страдающей стороной оказались библиотеки. Например, правительство Московской области в 2021 г. приступило к реализации проекта «Перезагрузка библиотек Подмосковья», согласно которому сокращается сеть городских и сельских библиотек, изымаются и утилизируются фонды, помещения библиотек передаются клубам, фитнес-центрам, танцевальным коллективам, другим организациям, предоставляющим платные услуги. В городе-научкограде Жуковском (население 100 000 человек) в 2017 г. работало 11 полноценных библиотек, объединенных в централизованную библиотечную систему (ЦБС), ведущую активную культурно-творческую работу с читателями всех возрастов. К апрелю 2022 г. планируется оставить лишь 4 библиотеки и «пункта выдачи», причем будут слиты старейшие в городе Центральная городская и Центральная детская библиотеки. Возмущенные жители наукограда активно протестуют, и на улицах появились (случай исключительный!) многоцветные листовки с призывами «Защитим библиотеки!», «Чиновники, остановитесь! Нам нужны библиотеки!», «Наши дети читают, а ваши ...?», «Сохраним детскую библиотеку!» и т. д.

Департамент культуры Москвы, в свою очередь, приложил руку к дегуманизации российской библиосферы. 24 декабря 2021 г. был издан приказ о присоединении к существующим централизованным библиотечным системам (ЦБС) московских округов некоторых учреждений клубного типа, в связи с чем ЦБС переименовываются в «Объединения культурных центров округа». Беда в том, что вновь создаваемые «объединения» оказываются вне поля государственных библиотечных программ и размывается их принадлежность к книжной культуре, ибо они выпадают из Федерального закона «О библиотечном деле». Реальна опасность превращения столичных библиотечно-библиографических учреждений из центров книжности, чтения, самообразования в коммерческие бизнесцентры, торгующие арендой помещений, платными досуговыми услугами и т. д. Есть основания опасаться, что московский опыт «разбиблиотечивания» будет подхвачен бизнесэлитой в других регионах, готовящихся старомодную книжную культуру трансформировать.

мировать в цифровую медиакультуру. Однако не будем априори абсолютизировать суетливое невежество неразумных чиновников.

Российская библиосфера возникла не спонтанно; она есть результат многовекового творчества коллективного разума, который назовём «Библиологос». Слово «Библиологос» — неологизм, отсутствующий, как в лексиконах современных наук, так и в обыденной речи. Правда, значение этого словосочетания нетрудно расшифровать: «библио» ассоциируется с понятием «книга» в общеизвестных словах «библиотека», «библиография» и др., а древнегреческое слово «логос» напоминает нам о «логике», «разуме», «истине». Получается: Библиологос — это «книжный разум», точнее — «книжная разновидность разума». Сущность Библиологоса отражает формулировка: *Библиологос — книжная культура цивилизованного общества как производительная сила, обеспечивающая создание, сохранение, использование библиосферы.*

Книжный разум в смысле «Библиологос» реализуется двояко: во-первых, — *одушевлённый* Библиологос в виде социальных групп субъектов библиосферы; во-вторых, *овеществлённый* Библиологос в виде научных, учебных, нормативно-управленческих текстов интеллигентов-книжников, посвящённых книжному разуму и культуре. Одушевлённый Библиологос — это духовный ресурс исторически стабильной общности людей, пишущих и читающих книги и непосредственно участвующих в производстве, преобразовании, сохранении и распространении произведений письменности и полиграфии. Одушевлёнными субъектами Библиологоса, являются профессионалы библиотечного, библиографического, книжного дела (практики, учёные, педагоги), государственные и коммерческие деятели, библиотефилы, инженеры-полиграфисты, читательский актив.

Именно от стратегических ресурсов Библиологоса зависит преодоление рисков самоуничтожения, которые угрожают человечеству. Глобальными рисками являются экологический кризис (загрязнение природной среды, изменение климата), биологические мутации (вирусная пандемия, генетическая деградация), технологические аварии (сбой

компьютерной программы, авария), геополитические угрозы (гонка вооружений, терроризм, агрессивная глобализация, утрата национальной идентичности и суверенитета, геноцид, фанатизм) и многие другие антропогенные угрозы человечеству. В современном мире решающая роль принадлежит одушевлённому Библиологосу, в котором конкурируют технократическая стратегия и культурно-историческая стратегия, ориентированные на разные антропологические типы — личности с различными интеллектно-нравственными качествами, воспитанные либо в среде аудиовизуальных электронных медиа, либо в лоне классической книжной культуры.

Ссылаясь на теории американских психологов, отечественные педагоги приводят следующие характеристики нынешней молодёжи (поколения «Z»). Субъекты поколения «Z», по их словам, гиперподвижны, креативны, чрезвычайно быстро взрослеют, прекрасно ориентируются в новаторских разработках и информационных технологиях. Находясь с рождения в информационно-цифровой среде, они быстро обрабатывают клиповую информацию. Обратная сторона этого — неумение вдумываться, глубоко анализировать и сосредоточиваться на чём-то одном. Их мозг более адаптирован для получения больших потоков поверхностной информации, чем сущностного знания. Многим технократическим стратегам кажется, что для расцвета искусства и науки в глобальной постиндустриальной цивилизации достаточно преобразовать книжные фонды в электронные файлы и оцифровать кинематограф. Но они ошибаются.

Переход человечества в гипотетическую ноосферную цивилизацию не может произойти стихийно, явочным порядком. Здесь требуется опережающее развитие интеллектуальных процессов и духовной культуры, прежде всего, науки, управления и образования. Практика показала, что *homo legens* — «книголюб» — это более творчески и интеллектуально продвинутая личность, чем телезритель, потребляющий сериалы телеэкрана. Совершенно очевидно, что для формирования ноосферного человека должны использоваться стратегические ресурсы библиосферы, и здесь ключевая роль принадлежит научно обоснованной культурно-исторической

стратегии развития библиосферы. В компетенцию стратегии будущей библиосферы должны войти не только традиционная научно-исследовательская тематика, всесторонне рассмотренная в коллективной монографии «Научные исследования в библиотеках» но и актуальные проблемы сегодняшнего дня: виртуальный режим и удалённый доступ, пандемия и глобализация, взаимодействие с коллегами, властью, читателями, цифровая экосистема знаний и медиа-информационная грамотность, непрерывное образование на протяжении всей жизни, авторское право и приватизация знаний, борьба с фейками, защита от дезинформации и фальсификаций, участие в политической жизни страны, адвокация библиотек и др.

Мораль настоящей статьи выражает следующее умозаключение: стратегия развития библиосферы не может ограничиться преодолением суеты сует текущей действительности, ей важно учитывать главную движущую силу книжной культуры, которой является Библиологос¹. Поэтому время собирать подходящий материал для строительства гуманистического Храма Книжного Логоса.

С автором можно связаться:
sokolov1.spb@gmail.com

Примечания:

¹ Федякина Л. В. «Библиотека — это в первую очередь печатная книга» // Университетская книга. — 2021. — №10, декабрь. — С. 8–4.

² Григорьев С. Г., Шабунина В. А., Царепкина Ю. М., Дунаева Н. В. Электронно-библиотечная система как средство саморазвития студентов цифрового поколения Z // Научные и технические библиотеки. — 2019. — №7. — С. 78–90.

³ Научные исследования в библиотеках: тематика, организация, представление результатов: монография / отв. ред. А. Ю. Самарин. — М.: Пашков дом, 2021. — 324 с.

В статье обоснована важность использования культурно-исторической стратегии развития библиосферы для формирования ноосферного человека.

Книжная культура, библиосфера, ноосферная цивилизация

This article substantiates the importance of using the cultural-historical strategy for the development of the biosphere for the formation of a noospheric person.

Book culture, biosphere, noospheric civilization